

XII. Пётр I в оценке современников и потомков

К Петру нельзя было оставаться безразличным, нельзя было «никак» не относиться к нему. Его можно было либо любить, либо ненавидеть — середины не было. И такое отношение к нему современников и всех последующих поколений, вплоть до нашего, объясняется не только величием дела Петра, но и яркостью его личности, многогранной, сложной, порывистой и цельной; ярким его умом, горением его широкой русской души.

В.М.Мавродин

Пётр ни чем не походил на своих медлительных предков и чопорных европейских государей. Он был высок и красив, очень подвижен, обладал большой физической силой, был необыкновенно любознателен и трудолюбив. Жизнь его прошла в напряжённом труде, в бесконечных войнах, поездках и походах. Пётр исколесил почти всю страну от Архангельска до Дербента, побывал во многих европейских странах. В своих мемуарах герцог де Сен-Симон так описал русского царя: «Пётр I, царь Московии как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии приобрёл такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво сего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Исключительность путешествия сего государя во Францию по своей необычности мне кажется, стоит того, чтобы не забыть ни малейших его подробностей и рассказать о нём без перерывов...

Пётр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав, лицо имел круглое, большой лоб, красивые брови, нос довольно короткий, но не слишком и на конце кругловатый, губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные чёрные глаза, большие, живые, пронизательные и хорошо очерченные, взор величественный и приятный, когда он владел собой; в противном случае — строгий и суровый, сопровождавшийся конвульсивным движением, которое искажало его глаза и всю физиономию и придавало ей грозный вид. Это повторялось, впрочем, не часто, притом блуждающий и страшный взгляд царя длился лишь одно мгновение, он тотчас справлялся. Вся

его наружность обличала в нём ум, глубокомыслие, величие и не лишена была грации. Он носил круглый тёмно-каштановый парик без пудры, не достававший до плеч, тёмный камзол в обтяжку, гладкий, с золотыми пуговицами, чулки того же цвета, но не носил ни перчаток, ни манжет, на груди поверх платья была орденская звезда, а под платьем лента. Платье было часто совсем расстёгнуто; шляпа была всегда на столе, он не носил её даже на улице. При всей этой простоте иногда в дурной карете и почти без провожатых, нельзя было не узнать его по величественному виду, который был ему свойственен.

Сколько он пил и ел за обедом и ужином, непостижимо... Свита за его столом пила и ела ещё больше и в 11 утра точно так же, как в 8 вечера. Царь понимал хорошо по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; но, для большего величия, он имел переводчика; по-латыни и на других языках он говорил очень хорошо».

Другой француз-современник описывал Петра так: «Он был высокого роста, очень хорошо сложен, худощав, смугл, глаза у него большие и живые, взгляд пронизательный и иногда дикий, особенно когда на лице показывались конвульсивные движения. Когда он хотел сделать кому-нибудь хороший приём, то физиономия его прояснялась и становилась приятною. Его неправильные и порывистые движения обнаруживали стремительность характера и силу страстей.

Никакие светские приличия не останавливали деятельность его духа, вид величия и смелости возвещал государя, который чувствует себя хозяином повсюду».

Французов, привыкших к роскоши двора Людовика XIV, поражала невиданная скромность Петра, его странные, труднообъяснимые поступки. «В Париже для царя были приготовлены два помещения: в Лувре и в доме Ледигьер. Сначала Пётр приехал в Лувр, где для него были отведены великолепно убранные комнаты... Тут Пётр провёл около трёх четвертей часа, посмотрел на два стола, накрытые на 50–60 человек, спросил хлеба и редьки, попробовал шесть сортов вина, выпил два стакана пива, которое особенно любил, но никак не хотел оставаться в Лувре. Тицетно маршал Тессе упрашивал царя сесть за стол, уверяя, что король будет очень рад, если он проведёт несколько дней в Лувре. Пётр отказался и просил, чтобы его не стесняли; по-видимому, помещение в Лувре ему показалось слишком великолепным. Сохранилось предание, будто царь сказал, что свита его в дороге вся запыхалась и может запачкать эти прекрасные приборы. Приехав затем в дом Ледигьер, Пётр взял из руки встретившего его там человека свечку, прошёл в спальню, остался недоволен приготовленной для него постелью и ушёл спать в комнату своего денщика, где лёг на свою походную кровать».

Пётр не любил пышных дворцовых залов и предпочитал скромные постройки с низкими потолками, уютными комнатами и спальнями. Летний и Зимний дворцы, возведённые по его желанию в столице, были так малы, что ассамблеи и приёмы послов обычно устраивались в роскошном дворце Меншикова, генерал-губернатора Петербурга, или в Сенате. Однако, отказавшись от роскоши Лувра и поселившись в частном доме, Пётр ревниво оберегал своё достоинство государя великого народа. Он настоял на том, чтобы семилетний французский король Людовик XV и регент первыми нанесли ему визит. Малолетний король очень понравился Петру и, прощаясь, царь нарушил официальную церемонию, взяв ребёнка на руки. По этому случаю он писал Екатерине: «Объявляю Вам, что в прошлый понедельник визитировал меня здешний король, который пальца на два более Луки (карлика) нашего, дитя зело изрядное образом, и по возрасту своему

довольно разумен, которому семь лет». Во время ответного визита в Тюильри Пётр взял маленького короля на руки и понёс по лестнице. «Всю Францию несу на себе», — сказал он в шутку окружающим его придворным и дипломатам.

В повседневной жизни Пётр был очень нетребователен и неприхотлив. Его одежда состояла из простого суконного кафтана и камзола почти без кружев, обычных башмаков, чулок. Парик носил редко. Низкая треугольная шляпа была его любимым головным убором. Чрезмерная роскошь в одежде, господствовавшая среди европейской знати, не нравилась царю и нередко вызывала его насмешки. Во время пребывания во Франции, заметив, что маркиз де Нель ежедневно меняет платье, Пётр сказал: «Мне кажется этот господин весьма недоволен своим портным». А покидая Париж, как говорят, заметил: «Жалею о короле и о Франции: она погибнет от роскоши». Пётр довольствовался самой скромной пищей, в походах обычно той, чем кормили солдат и офицеров. Известно, например, что недалеко от Амьена Пётр, торопившийся в Париж, отказался от великолепного обеда, приготовленного для него местным епископом. На замечание, что дальше по дороге долго не будет приличного стола, он сказал: «Я солдат, и когда найду хлеб и воду, я буду доволен».

Повсюду, и в России, и за границей, Пётр предпочитал разъезжать в скромной двуколке. Если же она не была готова, нетерпеливый царь садился в первый попавшийся экипаж. Так, однажды он сел в карету жены французского маршала Матиньона, которая приехала к нему с визитом, и приказал везти себя в Булонский лес, «маршал Тессе и гвардия, приставленная сопровождать его повсюду, бежали тогда за ним как могли». Не обладая придворными манерами, Пётр в обществе — на балах и в гостях, держался непринужденно, требуя от каждого присутствующего лишь одного, чтобы «лишнего не врал и не задира». За столом он часто занимал место, не подходящее для государя, например, рядом с моряками и корабельными мастерами, что нередко вызывало скрытое раздражение и не-

довольство не только титулованной русской знати, но и иностранцев. Британский посол при русском дворе Д.Джеффрис доносил своему правительству, что английские мастера корабельного дела «пользуются таким почётом, на который нельзя было бы рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях и на празднествах сидят за его столом, в то время, когда знатнейшие люди принуждены ждать стоя». «Должен заметить, — вторит ему французский посол Де-Лави, — так как господствующей страстью этого монарха является установление своего могущества на море, то он благоволит к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительно с ними говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел».

Пётр был исключительно любознательным человеком. Он хотел всё знать, всё видеть и всё делать своими руками. Малейшую возможность он использовал для пополнения своих знаний. Особенно это проявилось во время поездок за границу, где личность Петра неизменно вызывала всеобщее любопытство. Газеты и журналы того времени печатали подробные отчёты о посещении царём различных городов, о его деятельности как государя, превратившего Московию в могущественное государство, развенчавшего славу Карла XII как непобедимого полководца, заставившего всю Европу говорить об успехах России, как на полях сражений, так и в строительстве промышленности, флота, городов, в деле внутренних преобразований. «Но особенно изумляла всех любознательность Петра. Он всё осматривал весьма тщательно, заходил в лавки, к ремесленникам, выпрашивал их через князя Куракина о подробностях их работы, причём обнаруживал обширные познания. Вещи только красивые, служащие к удовольствию, мало его занимали, но всё, что имело полезную цель, что относилось к мореплаванию, торговле, к искусствам возбуждало его любо-

пытство и тут он приводил в изумление верностью, проницательностью взгляда, обнаруживал такую же быстроту в изучении, как жадность в приобретении познаний». Некоторое представление о том, насколько разносторонними были интересы Петра во время таких поездок, даёт неполный перечень дел, которые особенно занимали его в последнюю неделю пребывания в Париже в 1717 году: «1 июня царь был в Версале, где внимательно осмотрел королевские комнаты... Приехав в Париж, он отправился на Монетный двор, где в его присутствии отчеканили медаль в его честь... 2 июня большую часть дня провёл у герцога д'Антена. Там его видел Сен-Симон, отметивший, что Пётр, „говоря много и оживлённо, всегда сохранял своё величие, своё достоинство“. 3 июня Пётр посетил Сорбонну, где осматривал церковь и библиотеку, быстро переходя от одного предмета к другому. Наконец ему попались на глаза славянские рукописи и он стал внимательно рассматривать их... 4 июня Пётр осматривал королевскую типографию, где в его присутствии было отпечатано множество пробных оттисков, затем посетил колледж, основанный кардиналом Мазарини, оттуда отправился к изобретателю движущегося глобуса по системе Коперника. В тот же день он опять был на гобеленовой фабрике. 5 июня Пётр смотрел экзерциции французской гвардии и мушкетеров. Войска были расположены на Елисейских полях. Дюк де-Шон с сыном командовали конницей, д'Артаньян и Капильяк — двумя ротами мушкетеров... 6 июня Пётр принял португальского посланника, посланника мальтийского ордена и папского нунция. Потом ездил смотреть химические опыты, был в лавке купца, затем снова в обсерватории, где провёл более двух часов. 7 июня царь присутствовал на глазной операции, при удалении катаракты. Удостоверившись в успехе операции, Пётр просил доктора взять для обучения русского ученика. В тот же день он встречается с герцогом Орлеанским, а затем поехал к королю прощаться. На другой день король „визитировал“ Петра и пожелал ему счастливого пути. Затем Пётр отправился в судебную палату, чтобы присутствовать при заседании парламента...

В тот же день Пётр посетил Академию Наук, где по случаю его прибытия было назначено чрезвычайное заседание... »

Любопытство Петра нередко подвергало его жизнь опасности. Так, в Утрехте, во время посещения шёлковой мануфактуры, он попробовал остановить колесо машины и при этом едва не погиб. Спас его рабочий, схватив и оттащив от колеса. Едва вступив на французскую землю, пользуясь отливом, он захотел объехать Дюнкирхенскую банку и отправился на неё в карете. Вдруг поднялся сильный ветер, прилив начался с необыкновенной быстротой и вода покрыла дорогу, на которой находился царь; он едва успел отпрячь одну из лошадей и ускакать верхом от грозившей ему опасности.

Пётр очень любил труд и знал четырнадцать ремёсел. Для него было привычно держать в руках любой инструмент. Он был первоклассным кузнецом, плотником, токарем, мог отлить пушку и построить корабль. В ведомости Петербургского Адмиралтейства от 13 февраля 1704 года о выдаче жалованья сохранилась запись: *«Корабельному мастеру Петру Михайлову триста шездесят шесть рублёв. Принял и расписался»*. Пётр, как и все мастера получал заработанные деньги строго по расценкам, установленным для мастеров *«изучившихся во окрестных государствах корабельному художеству»*. Пётр был не просто хорошим мастером, он был замечательным конструктором, опытным организатором производства. Построенный по его чертежам 64-пушечный корабль «Ингерманландия» по своим мореходным качествам не знал себе равных и даже в XIX веке был образцом парусных кораблей.

Пётр не только любил физический труд, но и гордился этим. *«Видишь, братец, я и царь, — говорил он И.И.Неплюеву, руководившему строительством кораблей в Петербурге, — да у меня на руках мозоли, а всё от того: показать вам пример и хоть бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг Отечеству»*.

Любовь Петра к труду высоко ценили простые русские люди, запечатлевшие эту черту его ха-

рактера в своих песнях и сказаниях. *«Вот царь — так царь! Даром хлеба не ел, пуще батрака работал»*, вспоминали работные люди о посещении Петром Олонецких заводов.

Пётр не любил обращать на себя внимание, не любил пышных встреч и церемоний. Подъезжая к Амьену во Франции и узнав, что его собираются встречать весь город, Пётр на окраине пересел в карету наместника Амьена *«и промчался через город, не желая ни останавливаться, ни видеть кого-либо. Он даже до того боялся преследования, что вышел из моей кареты, не ближе четырёх вёрст от города и потом уже пересел в свою, — вспоминал маркиз де-Нель. — Таким образом, все мои трёхдневные приготовления были напрасны, кроме одного, что свита царская отдохнула и пообедала. Говорят, что царь от того так скоро проехал через Амьен, что его напугали назойливым любопытством здешние обыватели, а он терпеть не может глазеей на него толпы»*. За границей, где Петру приходилось принимать много посетителей, часто высокопоставленных и знатных, присутствовать на разнообразных приёмах, *«иногда наскучив толпой посетителей, он удалял их одним словом, одним движением или просто выходил, чтобы отправиться куда влекло его любопытство»*. Исключительно честный в большом и малом, Пётр особенно ценил эти качества в других. Многие «птенцы гнезда Петрова» за неблагоприятные дела хорошо были знакомы с дубинкой царя, а некоторые и с палачом. Незначительные проступки и человеческие слабости Пётр понимал и легко прощал. Так, однажды Неплюев опоздал к царю. Сначала, испугавшись, он хотел скупавить, но затем решил сказать правду: *«Виноват, государь, вчера в гостях засиделся»*. И услышал в ответ: *«Спасибо, мальи, что говоришь правду. Бог простит. Кто богу не грешен, кто бабе не внук?!»*

Пётр говорил по-немецки, знал голландский, французский, польский и латинский языки. Он понимал истинную цену знаниям и прежде всего любил точные науки, т.к. их можно было применить на практике в кораблестроении, фор-

тификации, артиллерии, строительстве промышленных мануфактур, каналов, городов и т.д. Увлекался он и естественными науками, особенно анатомией, ботаникой, агрономией и зоологией. Его внимание привлекали и гуманитарные науки — юридические, философские, политические. *«Он усиленно занят был также составлением истории собственного царствования и в это дело вносил немало личного труда»*, — отмечал академик М.М.Богословский. По его распоряжению собирались летописи для написания отечественной истории, составлялись карты, готовились и отправлялись экспедиции, велась работа по организации Академии Наук. Г.В.Лейбниц, великий немецкий математик и философ, встречавшийся с Петром, в письмах к знакомым *«восхвалял громадные способности царя, его опытность, многосторонние познания, его страсть заниматься механикой, астрономией, географией»*. По достоинству оценив заслуги Петра перед Отечеством, Парижская Академия Наук избрала его своим членом. В благодарственном письме в Академию Пётр писал: *«что он с величайшею радостью и благодарностью принимает звание академика и постарается сделаться достойным её членом, распространяя науки в своём государстве»*. Пётр хорошо разбирался в архитектуре, знал живопись и другие виды искусства. Во время пребывания в Амстердаме в 1717 году он *«занимался составлением чертежей, по которым должен был устраиваться великолепный петергофский парк. Что касалось картин, то ему более всего понравились произведения фламандского и брабантского вкуса. Он покупал картины Рубенса, Ван-Дейка, Рембранта, Ян Стена, Мириса, Ван-дер-Вефа, Вувермана, Остада, морские виды Адама Сило и пр.»* Его коллекции живописи и скульптуры положили основание Эрмитажу. При всём этом Пётр оставался сыном России и своего века. Часто развлечения царя были жестокими, грубыми, варварскими. Созданный им *«Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший Собор»* своими безобразиями и выходками наводил ужас на Москву. Нередко попойки «Со-

бора» и «шутки» его участников заканчивались для некоторых смертью. Горячительные напитки не были непреодолимой потребностью Петра. Но как истый русский человек, широкая натура и хлебосол, он любил угостить в том смысле этого слова, какое вкладывалось в него в «осмнадцатый» век, то есть напоить до полусмерти, а иногда и до смерти... Часто на пиру чьи-нибудь неосторожные слова вызывали со стороны Петра вспышку дикой ярости. Куда девался радушный хозяин или вёсёлый гость! Аицо Петра искажалось судорогой, глаза становились бешеными, плечо подёргивалось; и горе тому, кто вызывал его гнев. Одна только Екатерина способна была его успокоить. Пётр охотно принимал участие в розыске, пытках и казнях. В нём причудливо сочетались вёсёлый нрав и мрачная жестокость. Он мог совершенно непостижимо соединять веселье с кровопролитием. 26 июня 1718 года в сыром мрачном каземате ушёл в небытие его единственный сын, а на следующий день Пётр шумно праздновал годовщину Полтавской «виктории» и в его саду *«довольно веселились»* до полуночи.

В истории с царевичем Алексеем — противником преобразований, вокруг которого группировались силы, мечтавшие вернуть Россию к староребовским порядкам, ярко отразились понятия Петра о долге и службе Отечеству, его беспокойство и тревога за будущее России, его непреклонное стремление уничтожить любые преграды на пути развития государства. Пётр предпринимал неоднократные попытки сделать сына своим сторонником и последователем, но безуспешно. Для славы Отечества *«своего живота не жалею, неужели тебя недостойного пожалею?»* — заявил Пётр сыну. Неприятие петровских преобразований, враждебность к деятельности отца и его сподвижников определили трагическую судьбу царевича Алексея.

Скорый на расправу, Пётр понимал, что его решения бывают иногда несправедливыми и говорил своим близким: *«Знаю, что я также погрешаю и часто бываю вспыльчив и тороплив; но*

я никак за то не стану сердиться, когда находящиеся около меня будут мне напоминать о таковых часах, показывать мне мою торопливость и меня от оной удерживать». Правда, редко кто из приближённых Петра отваживался «удерживать» царя в момент гнева.

Смерти Пётр не боялся, во всяком случае ни делом, ни словом ни разу не обнаружил страха перед ней. Когда адмирал Крюйс в 1713 году посоветовал Петру не идти в опасный поход от Котлина в Ревель ввиду возможного наличия в Финском заливе превосходящего по силе шведского флота, заметив, что *«щастие и нещастие в баталии часто состоит в одной пулке»*, Пётр ответил: *«Бояться пулки — не идти в солдаты»*. Он много раз доказывал свою храбрость: в сражении при Лесной, в Полтавской баталии, у мыса Гангут. Во время наводнения в Петербурге 28 октября 1724 года он, рискуя жизнью, бросился в Неву спасать тонущих солдат.

В длившейся двадцать один год борьбе Пётр проявил во всём блеске свои разнообразнейшие способности. Он оказался и первоклассным стратегом (полководцем и флотоводцем), и проницательным высокоталантливым дипломатом, которого не могли обмануть ни англичане, ни французы, ни шведы, ни Австрия, ни Пруссия. Он проявил себя и как замечательный законодатель и администратор.

Пётр I был широко образованным полководцем, воином по призванию. Венцом его полководческой деятельности стала битва под Полтавой. Оценивая полководческое искусство Петра, французский военный теоретик и писатель Роканкур писал: *«Следует отметить в этом сражении новую тактическую и фортификационную комбинацию, которая была реальным прогрессом. Пётр, отстранив рутину, которая с давних времен принуждала армии оставаться неподвижными за ретраншиementами в длинных линиях, прикрыл фронт своей пехоты редутами, отделёнными значительными интервалами... этим способом до тех пор не употреблявшимся, хотя одинаково удобным для наступления*

и обороны, должна была быть уничтожена вся армия авантюриста Карла XII».

Выдающийся полководец и военный теоретик XVIII века Мориц Саксонский, сын польского короля Августа II, в своём классическом труде по военному искусству говорит: *«царь Пётр, величайший человек своего столетия, боролся против военных неудач с терпением, равным величию его гения, и не переставал давать битвы, чтобы приучить к войне свои войска»*. Новаторской тактике Петра в Полтавской баталии, её анализу он посвящает специальную главу под характерным названием: *«О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях»*. Даже Карл XII, прославленный шведский «Александр Македонский», которого Пётр превратил в «скитающегося по турецким степям бесприютного беглеца, а Швецию во второстепенную державу», отдавал должное своему противнику. Шведский генерал Ранк во время встречи в Гааге с русским послом Куракиным в 1716 году говорил: *«Я был при шведском короле в Турции и в Штральзунде, и всё это время Карл XII отзывался о царском величестве с большим уважением: он считает его первым государем в целой Европе»*.

Стратегические и тактические принципы Петра как полководца были изложены в «Уставе воинском» 1716 года, а затем дополнены статьями, составленными на основе боевого опыта всей Северной войны. Полководческое новаторство Петра, формировавшееся в ходе тяжёлых «баталий» со шведами, хорошо продуманные стратегические планы, оригинальность и самобытность их решения в ходе боёв поставили Петра в ряд величайших полководцев мировой истории.

Видный государственный и религиозный деятель петровского времени Феофан Прокопович, приветствуя Петра после Полтавы в Киевском Софийском соборе, говорил: *«Величие и славу победы не иным мерилом мерим, токмо силою и храбростью побеждённого от тебя супостата, свирепством и лютостью истинного льва свейского, ногою твоею попранного...»*

Яркий стратегический и тактический талант, смелость и решительность в бою отличают Петра и как выдающегося флотоводца. Многолетний опыт борьбы на море и результаты побед над шведским флотом были обобщены в «Уставе морском», который на многие годы стал руководством для русских моряков. Идеи Петра о роли флота, обогащённые творчеством его последователей, адмиралами Г.А.Спиридовым, С.К.Грейгом, Ф.Ф.Ушаковым, Д.Н.Сенявиным, одержавшими замечательные победы на Балтике, Средиземном и Чёрном морях, прославили русский военно-морской флот. И не случайно А.В.Суворов, узнав, что эскадра Ф.Ф.Ушакова в 1799 году взяла штурмом неприступную французскую крепость на острове Корфу в Ионическом море, воскликнул: *«Великий Пётр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах (у мыса Гангут) произнёс, а именно: „Природа произвела Россию только одну; она соперниц не имеет!“ — то и теперь мы видим... Я теперь говорю сам себе: „Зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом?“»* С уважением отзывался о Петре и Наполеон Бонапарт: *«Он был, как и я, артиллерийским поручиком!»* — говорил французский император своему адъютанту генералу Нарбону в 1812 году, в Кремлёвском дворце. Наполеон, хорошо знавший историю военного дела, обратил особое внимание на то, что Пётр гораздо раньше других полководцев оценил огромное значение артиллерии.

Важную роль во внешней политике Петра играла дипломатия. В начале XVIII века рядом со старым Посольским приказом, который уже не справлялся с резко возросшими задачами дипломатической службы, возникла «походная Посольская канцелярия», превратившаяся со временем в Коллегию иностранных дел. Во главе её были поставлены канцлер Г.И.Головкин и подканцлер П.П.Шафиров. При Петре дипломатическую службу успешно несли Б.И.Куракин, А.А.Матвеев, В.А.Долгорукий, П.А.Толстой, А.И.Остерман и другие. Дипломатическая деятельность Петра проходила в сложных, часто очень тяжёлых услови-

ях, особенно в начальный период, когда с мнением представителей «Московии» западные страны не находили нужным считаться. Во многих переговорах Пётр сам принимал активное участие. Он ввёл должности «чрезвычайных и полномочных послов», т.е. постоянных представителей России за границей. В Москве, а затем в Петербурге появились постоянные представители многих европейских и восточных стран.

Главной задачей петровской дипломатии стала борьба по обеспечению выхода России к берегам Балтийского моря. Отправляя послов за границу, Пётр подробно инструктировал их, как себя вести в различных ситуациях, быть дальновидными, уметь сосредоточиться на главном и подчинять ему всё остальное, как разоблачить ложь и распространить правду о своём Отечестве.

Трезвый и осторожный политик, честный и расчётливый в своих поступках, Пётр умело направлял дипломатическую службу страны на защиту её интересов. Он *«первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению Швеции, Турции, Персии, Польши... так и по отношению к Германии»*, — писал Ф.Энгельс о Петре, считая его *«действительно великим человеком»*.

Пётр с большой настойчивостью проводил принцип неприкосновенности личности посла, олицетворявшего честь и достоинство государства за рубежом. Характерным примером в этом отношении стал случай с русским послом в Англии А.А.Матвеевым. В 1708 году он был арестован и подвергся оскорблениям, что вызвало возмущение всего дипломатического корпуса. Пострадавшего посетили все *«до единого иностранные министры, содрагаясь о таком афронте, от века не слыханном и нигде в историях... бесприкладном»*. Английское правительство, пытаясь загладить инцидент, предложило Матвееву крупный денежный подарок, но посол не только не принял подарок, но демонстративно покинул Англию, заявив, что в его лице было нанесено оскорбление самому царю.

На сессии английского парламента действия против Матвеева были признаны преступлением «как перед английскими законами, так и перед международным правом, на коем основывается привелегия посланников», Пётр потребовал смертной казни лицам, виновным в оскорблении своего посла. Королева Анна вынуждена была направить в Россию специальное посольство с извинениями. При этом, в грамоте английской королевы Пётр именовался «цесарем», т.е. императором. Царь, «принимая на вид внимание нации, выраженное в парламентском акте, а так же честь, оказанную ему королевой настоящим посольством», не стал настаивать на своём требовании сурово наказать виновных, удовлетворившись сообщением, что они уже привлечены к ответственности. Таким образом, данный инцидент, благодаря энергичному вмешательству Петра, послужил поводом для законодательного оформления посольского права.

Характеризуя Петра и положение в России после окончания Северной войны, французский посол при русском дворе Кампредон писал в Париж: «Он (Пётр) выполнял обязанности барабанщика и плотника, и постепенно переходя из чина в чин, дошёл до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к высшим начальникам и дисциплине... С непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем стотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20 линейные, причём ежегодно он увеличивает свой флот стапятьюдесятью галерами. Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей. Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства держав Европы, которые ищут её дружбы, или боясь её враждебного отношения к их интересам, или надеясь на выгоды от союза с ней».

Высоко оценив результаты Северной войны, Кампредон, отмечая заслуги Петра как гла-

вы государства, полководца и дипломата, особо подчёркивал, что в нём проявился «великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проникновенного рассудка, чудодейственной памятью и храбростью» и что в то же время «он одарён необычайной осторожностью». Все эти качества сделали Петра «величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера».

Невиданный размах преобразований Петра, всколыхнувший Россию, упорная многолетняя борьба за выход к Балтийскому морю по разному оценивались современниками и потомками. Многие видели в Петре «антихриста» и старались всячески очернить царя, — сторонники и сподвижники Петра преклонялись перед ним, считая чуть ли не божеством.

Восхищённый результатами преобразований и той ролью, которую играл в них Пётр, М.В.Ломоносов писал в «Слове похвальном Петру Великому»: «Я в поле меж огнём; я в судных заседаниях между трудными рассуждениями; я в разных художествах... я при строении городов, пристаней, каналов; я меж стенанием валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь; везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени; и не могу сам себя уверить, что один везде Пётр, но многие; и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню великого государя!.. Итак, ежели человека богу подобного по нашему понятию найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

«Пётр в понимании Ломоносова — это творец и одновременно символ новой России, человек, совершивший нечто неподвластное человеку, перевернувший весь жизненный уклад огромной страны, определивший её настоящее величие и заложивший основы величия будущего, сотворивший мир новых культурных ценностей, создавший оптимальные условия для формирования нового человека и нового отношения к человеку и сам воплотивший в себе идеал нового человека: просвещённого и страстного, сильного духом и широкого душою, увлекающегося

и расчётливого, — человека мощной индивидуальности, решающей чертой которого является гармоническое соединение личного и общенационального интереса», — отмечает Е.Н.Лебедев.

Пою премудрого Российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивых,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

Так славит «дела Петровы» Ломоносов в неоконченной героической поэме «Пётр Великий».

Кипучую и многогранную деятельность Петра, разбудившую Русь, прославляли многие писатели и поэты XVIII века. Г.Р.Державин своё восхищение и преклонение перед царём-преобразователем выразил такими стихами:

Оставляя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Пётр, как некий бог,
Блистал величеством в работе.

Н.М.Карамзин, увидев памятник Людовику XIV в Париже, писал о величии дел Петра: «... Сии два героя были весьма не равны в великости духа и дел своих. Подданные прославили Людовика: Пётр прославил своих поданных — первый отчасти способствовал успехам просвещения: второй, как лучезарный бог света, явился на горизонте человечества и осветил глубокую тьму вокруг себя, — в правление первого тысячи трудолюбивых французов принуждены были оставить Отечество: второй привлёк в своё государство искусных и полезных чужеземцев, — первого уважаю как сильного царя: второго почитаю как великого мужа, как Героя, как благодетеля человечества, как моего собственного благодетеля». И далее, говоря о сооружении Петру памятника в Петербурге — «Медного всадни-

ка», добавляет: «При сем случае скажу, что мысль поставить статую Петра Великого на диком камне, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служит разительным образом того состояния России, в котором была она до времён своего преобразователя».

Поэт К.Ф.Рылеев, обращаясь в «Думах» к образу Петра с целью «возбудить доблесть сограждан подвигами предков», писал:

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошёл ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой —
Ты душой своей велик.

Поэт А.М.Языков воспевал героическое прошлое русского народа. В его оценке:

Наш Пётр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.
Когда прославившись мечом,
Он шёл с полуночным царём
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий, как бодро
Железной волею Петра
Преображённая Россия!

В.Г.Белинский в горячих спорах со славянофилами, с присущей ему страстностью подчёркивал заслуги Петра в деле исторического прогресса страны: «Пётр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но истории человечества; он божество, вызвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России. Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади; алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства Русского». В величии Петра Белинский видел величие русского народа, его исторического прошлого, его великого будущего.

С гордостью он утверждал: *«Из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Пётр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ».*

Большинство представителей передовой общественной мысли XIX века, оценивая деятельность Петра, видели в нём уже не столько «земное божество», сколько гениальную личность, выдвинутую на историческую арену ходом развития Русского государства, личность, претворившую в действительность жизненно важные преобразования для страны. Так, Н.А.Добролюбов утверждал, что Пётр *«разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самой жизнью народной — вот его значение, вот его заслуги... Преобразования Петра давно сделались у нас достоянием народной жизни, и это одно уже должно заставить нас смотреть на Петра, как на великого исторического деятеля, понявшего и осуществившего действительные потребности своего времени и народа».* Добролюбов видел в Петре реформатора-самодержца, который *«в матросской куртке, с топором в руке, так же грозно и властно держал своё царство, как и его предшественники, облечённые в порфиру и восседавшие на золотом троне, со скипетром в руках».*

А.И.Герцен, характеризуя Петра, считал, что *«к концу XVII века на престоле царей появился смелый революционер, одарённый обширным гением и непреклонной волей».*

Н.Г.Чернышевский отмечал, что основы грандиозных замыслов Петра опирались на *«беспредельное желание благ Родине, одушевляющие всю*

жизнь, направляющие всю деятельность этого великого человека». Отмечая беззаветное служение Отечеству, стремление видеть Россию *«в блаженстве и славе»*, Чернышевский подчеркивал, что *«русский должен быть патриотом в том смысле, в каком им был Пётр Великий».*

Духовную силу русских исторических героев, помогавших потомкам выстоять в суровых испытаниях, поднимавших на подвиги советских солдат в годы борьбы против немецко-фашистских захватчиков, прекрасно выразил Л.М.Леонов, писавший в 1943 году в дни Курской битвы: *«Ты не один в этой огневой буре, русский человек. С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Пётр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою. В трудную минуту спроси их, этих строгих русских людей, что по крохам собирали нашу Родину, и они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества...»*

Пётр не успел завершить все свои планы. Жизнь, полная непрерывной борьбы, повседневного напряжения и излишеств подорвала его здоровье. Спасая тонущих на Неве во время наводнения 28 октября 1724 года, он простудился, слёг в постель и 28 января 1725 года скончался. Хоронили Петра в столице, поверженной в траур, в Петропавловском соборе при огромном стечении народа. Феофан Прокопович говорил в надгробном слове: *«Что се есть! До чего мы дожили, о, россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребем... Но дела Петра будут жить».*

